

Чувашские сказки

Почему сосна и ель вечно зеленые

Это было давным-давно, в незапамятные времена. Как-то один из годов очень рано наступила осень. Еще и листья с деревьев не опали, а уже завернули сильные холода. Птицы начали сбиваться в стаи и заторопились в теплые страны. Змеи, ящерицы, всякие лесные зверушки, спасаясь от холода, залезли в свои норы и дупла. Все живое или улетело, или попряталось. Лишь маленькая птичка с пораненным крылом не смогла улететь со стаей и осталась одна в чистом поле на пронизывающем ветру.

Сидит птичка под кустиком полыни, горюет, что делать – не знает. Неужто так и придется погибать? А на краю поля начинался большой дремучий лес. «Поскачу-ка я в этот лес, может, деревья сжалятся надо мной и пустят на свои ветки перезимовать», – подумала птичка и, оберегая свое раненое крыльышко, поскакала к лесу.

На опушке леса стояла кудрявая красавица-береза. Птичка к ней с просьбой:

– Береза-березонька, густая и кудрявая, пustи к себе перезимовать.

– Веток у меня много, листьев еще больше, мне за ними надо смотреть, до тебя ли тут, – ответила береза.

Поскачала птичка со своим перебитым крыльишком дальше. Глядит – стоит развесистый дуб-великан. Стала она его упрашивать:

– Дуб-богатырь, смилийся, пustи меня на свои густые теплые ветки до весны прожить.

– Вот еще придумала, – ответил дуб. – Если всех пускать на зиму, вы у меня ни одного желудя не оставите. Нет, нет, не пущу, иди своей дорогой.

Птичка-невеличка поскакала дальше по лесу, оберегая свое раненое крыло. Приблизилась к речке, видит – на берегу, спиной к ней, лицом к речке, стоит, до самой воды уронив свои ветви, могучая ветла.

– Добрая ветла, твои ветки густые, уютные, пustи меня прожить на них до весенних теплых дней, – просит и ветла бедная птаха.

– Проваливай, я с рекой разговариваю, а со всякими встречными мне и разговаривать-то не к лицу, – гордо ответила ветла.

Бедная пташка впала в отчаянье. Да и было от чего: никто ее, горемыку, не пускает на зиму, все-то разговаривают свысока.

Усталая и голодная, побрела она дальше, в глубину леса, осторожно ступая, чтобы не сделать больно раненому крыльышку. Несчастную птицу заметила зеленая ель.

– Ай-яй, бедняга, куда же ты идешь? – спросила она птаху.

– Куда иду, и сама не знаю, – ответила та.

– Как же не знаешь? – удивилась ель.

– Да ведь не от хорошей жизни одна по лесу хожу, – печально сказала птичка. – Иду, куда глаза глядят.

– А что же ты со своими подругами не улетела?

– Крыльшко у меня больное, не могу летать. А пришла в лес, попросилась у деревьев пустить меня перезимовать – никто не пustил, никто не пожалел.

– Ах, бедняжка! – жалостливо воскликнула сердобольная ель. – Тогда поживи у меня. Вот садись на эту мохнатую веточку – она самая теплая.

Рядом с елью стояла старая сосна. Она тоже пожалела пташку.

– У меня ветки не такие густые, не такие теплые, но я буду загораживать тебя от холодных северных ветров, – сказала она.

Птичка забралась в самую гущину еловых ветвей, а сосна прикрыла ее от холодного ветра. Принял участие в судьбе маленькой птички и росший между елью и сосной можжевельник.

– Не унывай, птичка-невеличка, я тебя всю зиму буду кормить своими ягодами.

Так раненая птичка зажила хорошей жизнью.

Как-то ночью разыгрался, разбушевался ветер. Он так трепал ветви деревьев, что с них дождем сыпались листья. Понравилось это ветру, захотелось ему все деревья раздеть донаага, но прежде, чем сделать это, решил он все же спросить у Мороза:

– Батюшка-Мороз, со всех деревьев листья сорвать или на каких-то оставить?

Царь холода, Моров, сказал:

– С берез, с ветел – со всех, что в листья одеты, срывай. А те деревья, что взяли под защиту маленькую пташку, не трогай, пусть они и зиму стоят зелеными.

Ветер не осмелился ослушаться батюшки-Мороза и не тронул ель, сосну и можжевельник. Так они и по сию пору остались вечно зелеными.